9
67415
1943 г.
БИБЛІОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТ. Самар. Губ. Земства.
1943 г.

ВЪ ПАМЯТЬ

А. С. ГРИБОѢДОВА.

Рѣчь на актѣ въ Спб: Университетѣ 8-го Февраля 1879 г.

Ореста Миллера.

С.-Петербургъ.
Типографія В. И. Граціанскаго,
Невскій пр., ряд. съ Пассажемъ, № 46.
1879.

110
2271

67415

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ
БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578. Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ,

Инв. 4102/4840. 92:891.7 М60
1948 г.
БИБЛІОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА Сам. р. Гос. Совета.
П. К. СИМОНИ.
1941 г.

Тридцатаго января исполнилось 50 лѣтъ съ того ужаснаго дня, когда разсвирѣпѣвшею толпой персіанъ убитъ былъ на 35 году жизни русскій полномочный министръ въ Тегеранѣ А. С. Грибоѣдовъ. На дипломатическомъ языкѣ нашего тогдашняго канцлера, правда, выходило, что «сіе происшествіе должно приписать опрометчивымъ порывамъ усердія покойнаго Грибоѣдова», но съ этимъ судомъ графа Нессельроде не можетъ согласиться исторія. Грибоѣдовъ, настаивая на точномъ выполненіи только что заключеннаго съ Персіей мирнаго договора, не допускалъ никакого изъятія относительно освобождаемыхъ плѣнниковъ. Не соглашаясь выдать тѣхъ, которые нашли прибѣжище въ его помѣщеніи, онъ поступилъ какъ нашъ мудрый преобразователь, не выдавшій Дм. Кантемира. Грибоѣдовъ, какъ и Петръ Великій, съ дѣломъ совѣсти связывалъ и государственную честь Россіи. Онъ держалъ имя русское «честно и грозно по старинѣ» и сложилъ за него свою, пожалуй, и буйную голову!

НАУЧНАЯ КНИГОХРАНИЛИЩЕ № 67415 Ср.-Волж. Край
2271

Когда заговорили у насъ о пятидесятилѣтіи смерти Грибоѣдова, то кѣмъ-то высказано было мнѣніе, что такого событія нечего праздновать. Но неужели же неумѣстно поминовеніе? Вѣдь въ человѣческой природѣ есть положительная потребность поминать великихъ людей. Иногда такая потребность можетъ сказаться съ особенною силою. Невольно хватаешься за тѣ историческія имена, которыми можно себя отогрѣть, разбудить. Къ такимъ именамъ несомнѣнно принадлежитъ и тотъ, кто, не умѣя, по его собственному выраженію, «подслуживаться», всегда и какъ государственный дѣятель, и какъ писатель—радъ былъ «служить» землѣ русской.

Завѣтною мечтою Грибоѣдова всегда было свести свою службу отечеству на одну поэзію. Поприще поэтическое понималъ онъ также широко, какъ и современный ему лирикъ въ извѣстныхъ стихахъ:

....Нѣтъ выше ничего
Предназначенія поэта:
Святая правда—долгъ его;
Предметъ—полезнымъ быть для свѣта.
. . . . . .
Ему невѣдомъ низкій страхъ,

На смерть съ презрѣньемъ онъ взираетъ,
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ свободнымъ зажигаетъ!

Но Грибоѣдову, какъ и многимъ въ то время, пришлось извѣдать тотъ горькій жизненный опытъ, который вызвалъ у него вопросъ: «Кто уважаетъ насъ пѣвцовъ вдохновенныхъ въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ»?.. Такую оцѣнку людей встрѣчалъ онъ прежде всего въ своей же роднѣ и въ тѣхъ великосвѣтскихъ кружкахъ, съ которыми она его связывала. Подъ вліяніемъ фамильнаго Нестора—дяди (который, какъ увѣряютъ, сталъ образцомъ для Фамусова) сама мать настоятельно требовала, чтобы поэтъ «служилъ», т. е. дѣлалъ карьеру. Разсказываютъ даже, что завезя его къ Иверской, она слезами вынудила тамъ у него обѣщаніе продолжать свою кавказскую службу при новомъ начальникѣ Паскевичѣ, хотя это было ему нравственно тяжело послѣ короткихъ его отношеній къ Ермолову. Но если «служба» была, такъ сказать, навязана Грибоѣдову, то онъ никогда не позволялъ себѣ смотрѣть на нее, только какъ на карьеру. И за предѣлами любимаго литературнаго по-

прица онъ стремился быть «полезнымъ», а потому, и попавъ неожиданно въ дипломаты, принялся за ревностное изученіе всего, что тутъ было нужно, начиная съ персидскаго и арабскаго языковъ.

Уже въ ранней молодости Грибоѣдовъ носился въ мечтахъ съ обширнымъ планомъ поэтическаго произведенія. Есть основаніе полагать, что «Горе отъ ума» было задумано имъ еще въ 1812 г. (т. е. на восемнадцатомъ году его жизни). Но осуществленію великой комедіи предшествовалъ другой планъ — исторической драмы. Грибоѣдову какъ бы хотѣлось вознаградить себя за то, что, поступивъ въ военную службу въ 1812 г., онъ однако остался въ сторонѣ отъ прямаго ея назначенія: его полку непришлось участвовать въ бояхъ 1812 и слѣдующихъ годовъ (мужество свое въ боевое время Грибоѣдовъ могъ проявить только позже — во время персидскаго похода Паскевича). Грибоѣдовъ задумалъ драму изъ событій 12 года, планъ которой сохранился въ его бумагахъ. Въ началѣ драмы, на Красной площади, должны были возникнуть передъ живыми дѣятелями «тѣни давно усопшихъ исполиновъ — Святослава,

Владиміра Мономаха, Іоанна, Петра и проч.». Стремленіе найти опору въ историческомъ прошломъ сильно сказывалось въ то время; у извѣстнаго поэта, друга Грибоѣдова, оно вызвало рядъ если не художественныхъ, то глубоко прочувствованныхъ историческихъ думъ. Самому Грибоѣдову настольной книгой служила Несторова лѣтопись. Далѣе въ драмѣ не кому иному, какъ Наполеону по вступленіи въ кремлевскій теремъ, влагалось въ уста «размышленіе о юномъ первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ. Самъ себѣ преданный, что бы могъ онъ произвести»?

Въ программѣ эпилога, который долженъ былъ открываться въ Вильнѣ, говорится: «отличія, искательства, вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ»; т. е. тогда уже сатирическій взглядъ Грибоѣдова высмотрѣлъ тутъ туже впослѣдствіи такъ безпощадно имъ изобличенную фамусовщину. Но въ драмѣ должно было быть и свѣтлое лицо; скрываясь въ разныхъ мѣстахъ программы подъ буквою М., онъ (повидимому ополченецъ), только терпитъ горе за свои выдающіеся подвиги. Этотъ предвозвѣстникъ Чацкаго—изъ простаго народа. Онъ «въ

пренебреженіи у военачальниковъ»; по окончаніи войны «отпускается во-свояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію». Драма должна была кончаться тѣмъ, что М. «возращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду» (конечно въ видахъ европеизма). За этимъ слѣдуютъ два многозначительныхъ слова: «отчаяніе... самоубійство»...

Планъ драмы, въ которой всѣ свѣтлые тоны оказывались въ «усопшихъ исполинахъ», а изъ современниковъ только въ простомъ народѣ, вскорѣ, надобно думать, представился Грибоѣдову совершенно неосуществимымъ. Планъ этотъ замѣнился другимъ. Вмѣсто драмы изъ историческихъ событій 1812 г. въ сознаніи Грибоѣдова выдвинулась комедія изъ нравовъ московскаго «хорошаго общества» послѣ 1812 г. Въ одной изъ лучшихъ рукописей комедіи прямо значится, что дѣйствіе происходитъ спустя десять лѣтъ послѣ Отечественной войны. Если бы «Горю отъ ума» не суждено было оставаться при жизни автора запретнымъ (хотя и весьма распространеннымъ) плодомъ, самъ онъ конечно не преминулъ бы внести въ первое пе-

чатное изданіе это характерное обозначеніе времени. Въ самомъ дѣлѣ «Горе отъ ума» —это сатирическое разоблаченіе Москвы послѣ 12 года.

Десять лѣтъ спустя послѣ Отечественной войны Москва въ Грибоѣдовской картинѣ представляетъ уже множество «новыхъ домовъ», но все тѣ-же «старые предразсудки». «Знаменитый пожаръ», «способствовавшій, по мнѣнію Скалозуба, ей много къ украшенію», не помѣшалъ ей принять опять въ свое гостепріимное лоно тѣхъ же «кліентовъ-иностранцевъ», которые какъ до того, такъ и послѣ не могли (да и вовсе не заботились) истребить въ ней «прошедшаго житья подлѣйшія черты». Вмѣстѣ съ прежнимъ «смѣшеніемъ языковъ» ожило въ ней и благоговѣніе передъ каждымъ французикомъ изъ Бордо, т. е. передъ каждымъ ci-devant эмигрантомъ, встрѣчавшимъ у насъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, вмѣсто ожидаемаго ими варварства, самое благовоспитанное участіе къ ихъ наконецъ торжествующему легитимизму. Патріотическій жаръ, пущенный въ ходъ при нашествіи на насъ Наполеона и вскорѣ послѣ бѣгства его подлежавшій уборкѣ въ архивъ до другой подобной оказіи,

если и продолжалъ еще сказываться, то именно въ видѣ ненависти собственно къ Бонапарту и беззавѣтнаго сочувствія французскому, а затѣмъ и общеевропейскому легитимизму, въ защитѣ котораго яко бы заключается національная наша задача. Патріотизмъ этотъ выражался еще и въ томъ, напримѣръ, что, при пріѣздѣ въ Москву гвардейцевъ или придворныхъ, «кричали женщины «ура»! и въ воздухъ чепчики бросали».

Если же патріотическія чувства проявлялись и безъ захвата въ районъ ихъ иностранцевъ, или «гвардіонцевъ» то развѣ въ томъ видѣ, который указывается Фамусовымъ въ его отзывѣ о московскихъ женщинахъ, что онѣ «такъ и льнутъ къ военнымъ»—т. е. къ женихамъ изъ военныхъ.

Но могло ли и быть иначе съ «патріотизмомъ» той среды, которая выведена у Грибоѣдова? Вѣдь среда эта еще въ одной изъ нашихъ историческихъ повѣстей XV ст. была выставлена, не безъ своего рода сатиризма, вовсе не связывающею своей чести съ вѣрнымъ стояніемъ за прямыя нужды своего отечества, а говорящею съ простодушною откровенностью:

«хоть богатырь, или не богатырь, однако я холопъ государевъ и ко мнѣ имени не прибудетъ». Ту же среду, за ея трусливо-равнодушныя отношенія къ предстоявшей намъ при Иванѣ Васильевичѣ III окончательной расправѣ съ татарщиной, лѣтописцы наши, опять не безъ сатиризма, называли «богатыми и брюхатыми сребролюбцами, поноровниками бесерменскими». Въ преданіяхъ этой среды все болѣе и болѣе исчезалъ и наконецъ совершенно простылъ всякій слѣдъ того земскаго строя, который въ общемъ ходѣ нашей исторіи заслонилъ собою первоначальный родовой бытъ.

Вслѣдствіе того, что слѣдъ этого земскаго строя заглохъ въ служилой средѣ, въ преданіяхъ ея опять обнажились и выступили впередъ старыя привычки временъ родоваго быта. Если многимъ изъ нашихъ изслѣдователей историческихъ вездѣ у насъ мерещился родовой бытъ, то это отчасти объясняется тѣмъ, что они пребывали подъ живымъ впечатлѣніемъ той служилой среды, въ которой по преимуществу вращались, такъ какъ она же стала у насъ средою, хватившею «книжныхъ словесъ». Тотъ родовой бытъ, который на самомъ дѣлѣ только ожилъ

въ преданьяхъ служилой среды, стали у насъ выставлять не перестававшимъ жить и какъ бы ничѣмъ никогда не смѣнявшимся въ цѣломъ народѣ. На самомъ же дѣлѣ онъ оказывается присущимъ только различнаго рода Фамусовымъ прежнихъ и новыхъ временъ,— съ ихъ вѣчнымъ стремленіемъ выдвинуть своимъ умѣньемъ подслуживаться не только себя, но и каждаго роднаго человѣчка, допуская только въ видѣ исключенія—чужаго, если онъ дѣловой, т. е. можетъ за нихъ поработать. Къ заботѣ о «сестриныхъ и свояченицыхъ дѣткахъ», къ почитанію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ такъ называемаго родства сводятся всѣ нравственныя обязанности Фамусовыхъ. Если же онѣ и распространяются за предѣлы родства, то въ видѣ заботы объ «обѣдахъ, ужинахъ и танцахъ», даваемыхъ уже вообще для людей своего круга—притомъ совершенно независимо отъ того, честны они (въ самомъ даже буквальномъ смыслѣ слова) или же «отъявленные мошенники, плуты и шулеры» въ родѣ А. А. Загорѣцкаго. Въ этомъ отношеніи, какъ бы уподобляясь солнцу, которое одинако свѣтитъ и праведнымъ и неправеднымъ, Фамусовы,

конечно, имѣли въ виду не только тѣшить свое тщеславіе широкой молвой объ ихъ «открытомъ столѣ», но и зажимать этимъ рты всѣмъ тѣмъ, кто бы вздумалъ коснуться ихъ собственной закулисной жизни. Фамусовы должны были сохранять свой prestige въ смыслѣ отсутствія съ ихъ стороны не грѣха, а молвы о грѣхѣ, такъ какъ такая молва пожалуй бы помѣшала имъ устоять въ выгодномъ для нихъ мнѣніи княгини Марьи Алексѣевны.

Такимъ образомъ въ самыя отношенія Фамусовыхъ къ другимъ постоянно прокрадывалась все та же забота о самихъ себѣ. Съ наибольшею же силой, конечно, проявлялась она у нихъ въ тѣхъ подвигахъ, посредствомъ которыхъ они, по выраженію Чацкаго, «не на войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ».

Въ результатѣ такого, повидимому, безжалостнаго къ своему же собственному челу стучанія объ полъ, стучанія, къ которому еще съ дѣтства пріучали они своихъ благородныхъ преемниковъ, возя ихъ, ради гимнастическихъ упражненій спины, къ какому нибудь, по выраженію Чацкаго, «Нестору негодяевъ знатныхъ»,—въ результатѣ оказывалось верховное

благо въ жизни—возможность оставить по себѣ въ потомствѣ молву: «не то—на серебрѣ, на золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ».

Эти «сто человѣкъ» могли, впрочемъ, доставаться и независимо отъ всякаго собственнаго битья челомъ. Они могли быть къ услугамъ не только у чиновнаго лица въ столицѣ, но и въ какой нибудь деревенской глуши у помѣщика, доставшись ему по наслѣдству отъ служилаго предка, которому во время оно даны были въ пользованіе населенныя вотчины, впослѣдствіи закрѣпившіяся за его родомъ вмѣстѣ съ закрѣпощенными въ нихъ людьми. При помощи крѣпостнаго права нашъ помѣщичій классъ могъ служить своего рода службу и отечественному искусству, образуя доморощенные питомники для балетныхъ труппъ,—въ случаѣ же финансоваго краха, «распродавая по одиночкѣ» всѣхъ этихъ своихъ собственныхъ «зефировъ и амуровъ». Но крѣпостное право приносило еще и другую пользу, приносило ее по мнѣнію даже такого лица, какъ знаменитый публицистъ Екатерининскихъ временъ, кн. М. М. Щербатовъ, побывавшій въ выучкѣ не только у какихъ нибудь «кліентовъ-иностранцевъ»,

но и у самой «просвѣтительной философіи» XVIII столѣтія. Это не помѣшало ему утверждать, что «дворяне пріобрѣтаютъ право имѣть деревни и рабовъ, дабы, научась съ младенчества управлять своими деревнями, они были тѣмъ способнѣе къ управленію частями имперіи, и по своимъ обстоятельствамъ знали всѣ нужды разныхъ родовъ людей государства». Но въ сознаніи большинства этихъ служилыхъ баричей само государство оставалось, конечно, не болѣе какъ какимъ-то гросмейстеромъ орденскаго капитула, или же такъ называемою «казной», т. е. вѣчной и общей «дойной коровой».

Надо думать, что собственно къ этой барской средѣ относятся озлобленныя слова Грибоѣдова въ письмѣ къ Бѣгичеву: «Какой міръ! кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія». Чтобы видѣть тутъ отчаяніе, дошедшее до «безумнаго проклятія», какъ выразился современный намъ публицистъ, пришлось бы понимать эти слова шире—въ томъ смыслѣ, въ какомъ вылилось разъ у Пушкина (въ письмѣ къ женѣ): «и привелъ же Богъ человѣка съ умомъ и талантомъ родиться въ Россіи». Между тѣмъ эти въ недобрый часъ накипѣвшія на душѣ слова не по-

мѣшали Пушкину поэтически ополчиться на «клеветниковъ Россіи». Точно также, если широко понимать вышеприведенныя слова Грибоѣдова, то пришлось бы замѣтить, что они не помѣшали ему вложить въ уста Чацкому горячій запросъ на недостающее намъ чувство національнаго достоинства. Это доказываетъ, что и у Пушкина, и у Грибоѣдова былъ и глубокій умъ и благородное сердце.

Несомнѣнно, конечно, что къ барской средѣ принадлежатъ всѣ типы, выведенные въ комедіи Грибоѣдова. Сколько бы ни указывали намъ на живые оригиналы въ роднѣ самого поэта, его лица отъ этого не перестанутъ быть типами. Если это портреты, то подобные тѣмъ художественнымъ портретамъ, которые надолго останавливаютъ передъ собою на выставкѣ и людей, никогда не знававшихъ подлинника. При изученіи Грибоѣдовскихъ типовъ, надобно постоянно прибѣгать къ тому обобщенію, которое имѣлъ въ виду Гоголь, говоря о своемъ Хлестаковѣ: «и ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется

подчасъ Хлестаковымъ». Тотъ же способъ обобщенія вполнѣ примѣнимъ и къ Фамусовымъ, Молчалинымъ, Скалозубамъ, Репетиловымъ, Загорѣцкимъ. Въ этомъ то и заключается настоящая психологическая глубина и высокое художественное достоинство.

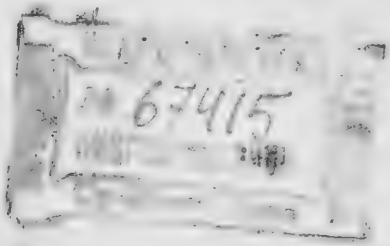
Много заботились у насъ и о томъ, чтобы отыскать въ живомъ же лицѣ прототипъ Чацкаго. Одни указывали (весьма неудачно) на Чаадаева, другіе, слѣдуя Пушкину, видѣли въ Чацкомъ самого Грибоѣдова. Послѣднее очень правдоподобно, но это вовсе не заставляетъ согласиться съ мнѣніемъ Пушкина, что Чацкій уменъ только умомъ Грибоѣдова. Нѣтъ, Чацкій также самостоятельно уменъ какъ и самъ Грибоѣдовъ; онъ также горячъ, иногда можетъ показаться — золъ, но въ сущности добръ и довѣрчивъ, постоянно склоненъ къ беззавѣтному увлеченью. Чацкій совсѣмъ не резонеръ, не ходячая грибоѣдовская мораль въ формѣ подготовленной ложно классическою теоріей. Всѣ путы старой школы въ сущности совершенно порваны Грибоѣдовымъ. И типы, и построеніе комедіи у него совершенно оригинальны. Если Чацкій прослылъ у насъ живой выставкой очень умной сатирической

КНИГА ИЗ СОБРАНИЯ П. К. СИМОНИ

морали,а вовсе не живымъ лицомъ, то это много зависѣло отъ неумѣлаго изображенія его на сценѣ. Но при безталанной игрѣ не одинъ Чацкій, а также и Фамусовъ, Молчалинъ и т. д. могутъ представиться, да отчасти и представлялись у насъ,не совсѣмъ правдоподобными. Всего же болѣе тутъ повліяла эстетическая гегелевщина—допуская даже, что она была у насъ не дурно переварена. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы Бѣлинскій подробно изслѣдовалъ «Горе отъ ума» въ позднѣйшій періодъ своей критической дѣятельности, то онъ бы уже не нашелъ въ этой образцовой комедіи столько психологическихъ и эстетическихъ промаховъ. Вѣрное пониманіе ея, пониманіе прямое, не черезъ очки, сильно сказывалось, благодаря оригинальномускладу его ума,у Аполлона Григорьева.

У насъ находили, что отрицательныя лица Грибоѣдова неправдоподобно обличаютъ самихъ себя тою остроумной сатирой, которая вложена въ ихъ же уста безпощаднымъ авторомъ. На самомъ же дѣлѣ критики только не хотѣли стать на ту почву чисто искусственныхъ взглядовъ, вполнѣ условной морали,на которой сто-

ятъ у Грибоѣдова всѣ эти герои служилой барствующей среды: Фамусовы, кандидаты въ Фамусовы и Фамусовы-неудачники. Къ этимъ тремъ видоизмѣненіямъ одного и того же типа сводятся, можно сказать, всѣ отрицательныя лица комедіи. Фамусовъ, Павелъ Афанасьевичъ, при своемъ характерномъ міросозерцаніи не можетъ не быть увлеченъ тѣмъ, что въ Москвѣ и живутъ и умираютъ тузы, что въ ней никогда не переводятся благовоспитанныя невѣсты, а равно и женихи съ двумя тысячами душъ, вознаграждающими за отсутствіе прочихъ достоинствъ. Онъ не можетъ не вѣровать въ верховное блаженство «ѣды на золотѣ», а потому и фанатически пропагандируетъ ведущее къ тому битье объ полъ лбомъ и искренно сожалѣетъ объ опасномъ «вольнодумствѣ» сына своего друга. Онъ совершенно спокойно, какъ объ истинно добромъ дѣлѣ, заявляетъ вслухъ: «какъ станешь представлять къ крестишку, иль къ мѣстечку, ну какъ не порадѣть родному человѣчку». Его удивляетъ слабое развитіе этой черты въ предметѣ его ухаживанія, Скалозубѣ, да оно и въ самомъ дѣлѣ объясняется только тѣмъ, что Скалозубъ гораздо ограниченнѣе Фа-


№ 67415

мусова. Но не это дѣлаетъ понятною ту откровенность, съ какою Скалозубъ сознается, что онъ самъ хорошенько не знаетъ, за что собственно данъ ему послѣ дѣла 3-го августа орденъ. И изъ этого вовсе не слѣдуетъ такого сатирическаго преувеличенія, чтобы онъ ни разу не получалъ ордена за дѣйствительную храбрость; слѣдуетъ только, что «нахватыванье знаковъ отличія» и безъ особенныхъ даже заслугъ вовсе не представлялось удивительнымъ и непохвальнымъ ему, какъ и другимъ «созвѣздіямъ маневровъ и мазурки», собирающимся не то въ шутку, а не то и въ серьезъ дать всѣмъ такъ называемымъ вольнодумцамъ «фельдфебеля въ Вольтеры». Скалозубъ, этотъ Фамусовъ въ армейскомъ мундирѣ, вполнѣ натурально удивляется тому, какъ это его братъ, набравшійся какихъ-то новыхъ правилъ, вышелъ въ отставку въ то время, когда ему слѣдовалъ чинъ.

Молчалинъ открытымъ заявленіемъ о своихъ двухъ талантахъ—умѣренности и аккуратности—совершенно правдоподобенъ въ своей средѣ, гдѣ именно «безсловесностью» и можно было безродному человѣку пробиться въ Фаму-

совы, съ тѣмъ чтобы потомъ преобразить свою лесть въ спѣсь. При этомъ онъ даже вовсе не ограниченъ, а скорѣе уменъ въ своемъ родѣ, уменъ, примѣняя отцовское завѣщаніе всѣмъ подслуживаться къ ухаживанью за дочкой начальника—на столько, чтобы это не компрометтировало его, а даже содѣйствовало его служебнымъ видамъ. Молчалинъ совершенно серьезно считаетъ и не можетъ не считать Чацкаго чуть не дуракомъ послѣ его пренебрежительнаго отзыва о Татьянѣ Юрьевнѣ. Предметъ совершенно искренняго и вполнѣ практичнаго уваженія для Молчанина составляетъ, да и не можетъ не составлять для такихъ людей, именно эта дама, доставляющая мѣста, а равно и Ѳома Ѳомичъ, съумѣвшій остаться начальникомъ отдѣленія при трехъ министрахъ. Столько же возможенъ, или, лучше сказать, неизбѣженъ въ этой средѣ и Репетиловъ—съ его совершенно даже прямымъ самоплеваніемъ. Репетилову только не удалось добиться какого-нибудь дѣйствительнаго служебнаго проку отъ женитьбы на дочери вліятельнаго Фонъ-Клотца,—и вотъ онъ ударился въ либеральное краснобайничанье въ полусекретныхъ кружкахъ. Но Репетиловъ

не совсѣмъ глупъ—а потому и чувствуетъ нѣкоторую фальшивость въ своемъ положеніи и старается выкупить ее тѣмъ «самобичующимъ протестомъ»,который,по выраженію поэта, «съ Ивана Грознаго до переписки Гоголя есть русскихъ гражданъ достояніе». Въ сущности, не повези по службѣ самому Фамусову, и онъ бы могъ перейти въ Репетиловы—но вышелъ бы менѣе забавенъ при совсѣмъ уже незначительной дозѣ ума. Вѣдь и Фамусовъ не хуже Репетилова хвалится Скалозубу задоромъ московскихъ старичковъ, у которыхъ «что ни слово, то приговоръ», хотя и то правда,что эти «прямые канцлеры въ отставкѣ по уму»,безъ которыхъ «не обойдется дѣло», обыкновенно только «придерутся къ тому-сему, а больше ни къ чему, поспорятъ, пошумятъ—и разойдутся». Въ словахъ этихъ Фамусовъ опять таки совершенно натурально обнаруживаетъ то пока еще благонамѣренное фрондерство,которое какъ бы служитъ ему про запасъ,—чтобы, въ случаѣ какой нибудь невзгоды,завернуться въ него, какъ въ либеральную мантію.

Ни мало не раздутымъ въ своемъ нравственномъ убожествѣ является наконецъ и Загорѣц-

кій. И онъ нисколько не каррикатура—особенно въ сравненіи съ соотвѣтственными Гоголевскими двойниками — Бобчинскимъ и Добчинскимъ, переходящими въ самомъ дѣлѣ въ каррикатуру. Загорѣцкій, только бы повезло, могъ бы, пожалуй, пробраться и въ Фамусовы—но обстоятельства сложились иначе — и вотъ онъ иными путями удитъ рыбу, удитъ ее уже прямо въ мутной водѣ. Это всѣмъ хорошо извѣстно —но онъ вездѣ принятъ въ качествѣ всеобщаго прислужника и угодника. Это своего рода всѣмъ необходимый Молчалинъ. Не даромъ же Чацкій и говоритъ про послѣдняго, что въ немъ не умретъ Загорѣцкій, хотя ему пока еще не достаетъ способности не связаннаго дѣловымъ поприщемъ Антона Антоновича служить живою газетою, сообщающею всякія сплетни и новости—безъ утомительнаго процесса чтенія. Благодаря всего болѣе этому Загорѣцкій по своему сдѣлалъ карьеру, хотя не прочь считать себя и либераломъ à la Репетиловъ. Когда же ему прямо въ глаза говорятъ, что онъ мошенникъ, Загорѣцкій, хорошо зная, что это не закроетъ ему доступа на обѣды и балы, самымъ натуральнымъ образомъ притворяется, что принимаетъ это за шутку.

Гораздо болѣе чѣмъ въ отрицательныхъ типахъ драмы находили у насъ драматически неправдоподобнаго въ Чацкомъ. Находили прежде всего неумѣстнымъ для умнаго человѣка постоянное проповѣдничество въ пустынѣ. Но критики забывали при этомъ, что и умный человѣкъ состоитъ не изъ одного же ума; что въ немъ можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и страстный характеръ, которому не подъ силу сдерживать накипѣвшую желчь. Но ненадобно забывать и того, что Чацкій сначала разсчитываетъ встрѣтить лицо, которому онъ можетъ не даромъ повѣрить свои задушевные взгляды—въ этой дѣвушкѣ, выроставшей вмѣстѣ съ нимъ, и, конечно, еще неуспѣвшей тогда окунуться въ тотъ житейскій омутъ, въ которомъ съ такимъ смакомъ вращается ея почтенный отецъ. Но въ три года путешествія Чацкаго много воды утекло, а онъ, очарованный чистой дѣвочкой, при всемъ своемъ умѣ, не предвидѣлъ этого.

Софья успѣла набраться фамильной Фамусовской закваски и дошла такимъ образомъ до того, что полюбила Молчалина—за его смиреннѣйшее ухаживаніе. Самъ Грибоѣдовъ горячо защищалъ Чацкаго передъ первымъ своимъ кри-

тикомъ, Катенинымъ, говоря: «дѣвушка, сама не глупая, предпочитаетъ дурака умному человѣку не потому, чтобы умъ у насъ грѣшныхъ былъ обыкновененъ; нѣтъ, и въ моей комедіи 25 глупцовъ на одного здравомыслящаго человѣка; и этотъ человѣкъ, разумѣется, въ противорѣчіи съ обществомъ, его окружающимъ, его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ, зачѣмъ онъ немножко повыше прочихъ; сначала онъ веселъ — и это порокъ: «шутить и вѣкъ шутить, какъ васъ на это станетъ»! Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ... «не человѣкъ—змѣя»... А послѣ, когда вмѣшивается личность, нашихъ затронули, предается анаѳемѣ... «унизить радъ, кольнуть, завистливъ гордъ и золъ». Не терпитъ подлости: «ахъ Боже мой, онъ карбонарій»! Кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ съумасшедшій; никто не повѣрилъ, и всѣ повторяютъ голосъ общаго недоброхотства»... Но всего замѣчательнѣе, скажемъ мы, что наши критики прямо повѣрили — конечно, не съумасшествію, а непонятной странности Чацкаго и стали выставлять его самого лицомъ крайне комическимъ противъ воли автора. Но если тутъ и есть комизмъ, то онъ по

шекспировски совпадаетъ у Грибоѣдова съ высокимъ трагизмомъ. Окончательное одиночество Чацкаго въ своемъ обществѣ—это превосходное драматическое изложеніе той самой темы, которая была такъ трогательно намѣчена въ лирическомъ стихотвореніи поэта той же эпохи:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества,
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!...
  Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ....
  Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные,
Иль безсмысленныхъ дѣтей...

Но у насъ не обращали вниманія на то, что Чацкій, повидимому, возвращается изъ путешествія уже отчасти разочарованнымъ. На слова Софьи: «гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ! Гдѣ-жъ лучше»? Онъ, какъ извѣстно, отвѣчаетъ: «гдѣ насъ нѣтъ»! Иногда объясняютъ это такимъ образомъ: «гдѣ русскихъ нѣтъ». Но проще понимать въ буквальномъ смыслѣ, довольно близкомъ къ поговоркѣ: «славны бубны за горами».

Вспомнимъ, что̀ слѣдуетъ далѣе? Когда пострансствуешь, воротишься домой, — и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ». На теперешней нашей сценѣ Чацкій говоритъ это съ глубокимъ презрѣніемъ. Но это совершенно не вѣрно. Чацкій, не смотря на сознаваемые имъ изъяны въ барской московской средѣ, горячо любитъ свое отечество. «И вотъ та родина»! съ отчаяніемъ восклицаетъ онъ послѣ милліона терзаній, постигшихъ его на балу у Фамусова, хотя не можетъ, конечно, винить въ этомъ «умный и добрый народъ», о которомъ съ такимъ сочувствіемъ отзывается онъ передъ московскими grandseigneur'ами. Вспомнимъ, для сравненія, стихи Батюшкова о возвращающемся Одиссеѣ, написанные имъ по прибытіи домой изъ Парижскаго похода и кончающіеся словами «очнулся онъ, и что-жъ? отчизны не узналъ»! Поэтъ, очевидно, возлагалъ на нее упованія, соотвѣтствовавшія ея выдающемуся положенію въ событіяхъ времени; эти патріотическія упованія невольно вызывались и тѣмъ, что нельзя было быть довольнымъ тогдашней Европой. Другой поэтъ, тотъ, стихи котораго не разъ приводились выше, писалъ изъ Парижа въ 1815

году: «Наши союзники надменностію и жестокостію своею скоро выведутъ изъ терпѣнья народъ, въ сердцахъ котораго еще съ прежнею горячностію кипитъ любовь къ независимости». «Ваши офицеры, ваши солдаты не такъ обходятся съ нами», говорили ему французы: вашъ Александръ покровитель намъ, онъ нашъ благодѣтель; но союзники его кровопійцы». Между тѣмъ эти союзники съумѣли распорядиться такимъ образомъ, что Россіи навязано было главенство въ томъ дѣлѣ реакціи, которое было такъ нужно Австріи и быстрые успѣхи котораго во всей Европѣ заставили Байрона въ озлобленіи обозвать ее нашею изношенною Европой. Вотъ въ какую пору путешествовалъ Чацкій. Собственно только Пруссія умѣла умно ухватиться за внутреннія преобразованія, какъ за вѣрнѣйшее средство востановленія своего политическаго значенія. Не пустить на подобный путь Россію—стало завѣтною цѣлью политики Меттерниха, а она нашла себѣ въ этомъ поддержку съ различныхъ сторонъ. Остановка внутренняго роста Россіи должна была подкопать ея черезчуръ уже выдвинувшееся впередъ политическое могущество. Торжественно вручить

этой, какъ ее называли, освободительницѣ Европы, два тормаза—одинъ для ея внутреннихъ дѣлъ, другой—для внѣшней политики, значило—и скорѣе достигнуть ея стараніемъ своихъ собственныхъ реакціонныхъ цѣлей, и обратить на нее ожесточенные взоры народовъ. Эта «послѣдняя лесть была горше первой»—даже горше того, что и такіе европейскіе люди какъ пылкій республиканецъ Лагарпъ становились у насъ на сторону остзейскихъ бароновъ въ дѣлѣ задержки освобожденія крестьянъ, и такимъ образомъ прямо попадали въ ряды тѣхъ «кліентовъ-иностранцевъ», которые не только не истребляли, но даже поддерживали у насъ «прошедшаго житья подлѣйшія черты». Еще задолго до Грибоѣдова, при Екатеринѣ, лучшіе русскіе люди, и именно ревнители просвѣщенія, хорошо понимали, какъ мало было настоящаго проку отъ нашего «европеизма» для нашего народа. Грибоѣдовъ еще въ программѣ своей не написанной драмы спрашивалъ устами Наполеона: «самъ себѣ преданный,—чтобы онъ могъ произвести»? А глазами Чацкаго Грибоѣдовъ искалъ и не находилъ у насъ той печати истиннаго европеизма, которая заключается въ этой «пре-

данности себѣ». Какъ ни мало привлекательнаго представляла Чацкому современная ему полоса въ европейской жизни, все же въ каждомъ народѣ находилъ онъ тамъ характерность, ясно сознанную потребность стоять на своихъ ногахъ. Не встрѣтивъ, по возвращеніи въ отечество, «ни звука русскаго, ни русскаго лица», не только что рѣшимости» «смѣть свое сужденіе имѣть», — мудрено ли, если онъ молитъ, чтобы Господь истребилъ у насъ этотъ нечистый молчалинскій духъ «пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья», доходя въ пылу увлеченія до того, что готовъ сочувствовать даже китайцамъ въ ихъ «премудромъ незнаньи иноземцевъ». Чацкому стыдно за нашу безхарактерность передъ «добрымъ и умнымъ русскимъ народомъ», который давно уже сочувственно рисовался поэту со всѣми своими особенностями. Грибоѣдовъ не даромъ изучалъ лѣтописи своего отечества. Онѣ выдвинули передъ нимъ не только его исполиновъ, но и ту сплошную земскую силу, которая завершила свою расправу съ татарщиной самовольнымъ покореніемъ Сибири, и спасла отъ крушенія расшатанное, казалось, въ конецъ государственное зданіе Россіи въ 1613

году, когда большинство служилыхъ верховъ и тѣломъ и душой отдалось врагамъ. Она вывезла насъ и въ Отечественную войну, не смотря на всѣ тѣ «отличія и искательства», которыя, по выраженію Грибоѣдова, «уничтожали всю поэзію великихъ подвиговъ». Передъ историческимъ взглядомъ поэта наше военное и политическое торжество въ его время вполнѣ объяснялись характеромъ русскаго народа. Тѣмъ оскорбительнѣе долженъ былъ представляться ему тотъ способъ объясненія современныхъ событій чудомъ, который, сложившись въ мистической головѣ какой-нибудь M-me Крюднеръ, оказывался весьма пригоднымъ для того, чтобы отводить кому нужно глаза отъ простаго русскаго человѣка. Вспомнимъ, что въ старомъ Грибоѣдовскомъ планѣ драмы онъ имѣлъ своего представителя, возвращающагося, послѣ величайшихъ подвиговъ, подъ отеческую палку (а вмѣстѣ съ тѣмъ и цивилизованную бритву) помѣщика. Лучшіе русскіе люди того времени, которыхъ представителемъ и является Чацкій, не были совершенно удовлетворены и исторіей Карамзина, потому что въ ней, по ихъ мнѣнію, все же недостаточно выдвигалось впередъ само-

дѣятельное значеніе русскаго народа. Онъ, этотъ «умный и добрый» (а по нѣкоторымъ Грибоѣдовскимъ рукописямъ бодрый) народъ представлялся имъ не безроднымъ бѣднякомъ-неудачникомъ, постоянно ждущимъ какой-то милостивой подачки, а имѣвшимъ свое многотрудное прошлое и уже своимъ умѣньемъ все перебыть и все перемочь предъявляющимъ свои неоспоримыя права на историческое совершеннолѣтіе. Такими отношеніями къ родному народу и родной странѣ окончательно выясняется образъ Чацкаго—какъ представителя тѣхъ людей эпохи, которые переросли цѣлою головой не только тогдашнее, но и позднѣйшее образованное большинство. Очень недостаточное пониманіе этого возвышеннаго лица проявилъ даровитый современный сатирикъ, заставляя его завершить свое поприще поступленіемъ въ директоры «департамента умопомраченій». Кто другой, а не герой Грибоѣдова кандидатъ на такое мѣсто.

Не сдавать его въ этотъ смѣшной архивъ должны мы, а желать, и въ то же время бояться его возрожденія между нами. Да, бояться—потому что онъ бы навѣрное захотѣлъ—и словомъ своимъ и примѣромъ—насъ подстегнуть

«какъ крѣпкою вожжей». А что если бы ему представились и теперь тамъ и сямъ дополненныя и исправленныя изданія тѣхъ же типовъ: Фамусовы разныхъ сортовъ, проводящіе всѣми мѣрами на всевозможныхъ поприщахъ себя и своихъ, руководясь, за неимѣніемъ какой либо ясной идеи, мнѣніемъ той или другой Марьи Алексѣевны; Скалозубы, готовые проводить въ Вольтеры все того же, хотя, можетъ быть, и довольно громотнаго фельдфебеля; Репетиловы, воображающіе себя «охранителями», Молчалины, видящіе въ себѣ «либераловъ»; «Загорѣцкіе всѣхъ видовъ и размѣровъ въ рядахъ и такъ называемыхъ консерваторовъ и такъ называемыхъ прогрессистовъ. Что если за встрѣчу съ подновленными экземплярами его старыхъ знакомыхъ ему бы пришлось расплатиться тѣмъ же милліономъ терзаній — да еще съ процентами?...

Но какое бы тяжкое новое горе ни ожидало его у насъ, всѣ мы должны быть исполнены того чаянья, о которомъ говоритъ поэтъ:

Какъ часто, безсильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской,
Молю Тебя дать имъ пророка
Съ горячей и крѣпкой душой!....

Молю Тебя въ часъ полуночи
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды твоей!

Подобнымъ пророкомъ являлся не разъ вдохновенный сатирикъ—сатирикъ съ идеаломъ въ душѣ, съ безстрашіемъ мысли и нрава, съ упорною непоклонливостью во всемъ.

Но, оставаясь въ томительномъ ожиданіи новыхъ вдохновенныхъ сатириковъ, вспомнимъ сердечный совѣтъ другаго поэта:

Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
А съ благодарностію: были!

Пусть же окажутся у насъ хоть на это и единыя уста, и единое сердце. Скажетъ же всѣ въ одинъ голосъ: великому русскому писателю - гражданину и дипломату - мученику Александру Сергѣевичу Грибоѣдову вѣчная память и вѣчная слава!

№ 67415
Ср.-Волж. Края

15 коп.

Дозволено цензурою. Спб. 1 Іюня 1879 г.